

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков

1

А на самом деле имя его было Фредерик Добсон. Приятелю своему, фокуснику, он рассказывал о себе так:

"Кто в Бристоле не знал детского портного Добсона? Я -сын его. Горжусь этим только из упрямства. Надо вам сказать, что отец мой пил, как старый кит. Однажды, незадолго до моего рождения, он, пожираемый джином, сунул матери моей в постель эдакую, знаете, восковую фигуру, матросика, лицо херувима и первые длинные штаны. Бедняжка чудом не выкинула... Вы сами понимаете что все это я знаю понаслышке, но, если мне не наврали добрые люди, вот, кажется, тайная причина того, что..."

И Фред Добсон печально и добродушно разводил ладошками. Фокусник со своей обычной мечтательной улыбкой наклонялся, брал Фреда на руки и, вздохнув, ставил его на верхушку шкафа, где Картофельный Эльф, покорно свернувшись в клубок, начинал тихо почихивать и скулить.

Было ему двадцать лет от роду, весил он около десяти килограммов, а рост его превышал лишь на несколько сантиметров рост знаменитого швейцарского карлика Циммермана, по прозвищу Принц Бальтазар. Как и коллега Циммерман, Фред был отлично сложен, и, если бы не морщинки на круглом лбу и вокруг прищуренных глаз, да еще этот общий немного жуткий вид напряженности, словно он крепился, чтобы не расти, карлик бы совсем походил на тихого восьмилетнего мальчика. Волосы его цвета влажной соломы были прилизаны и разделены ровной нитью пробора, который шел как раз посередине головы, чтобы вступить в хитрый договор с макушкой. Ходил Фред легко, держался свободно и недурно танцевал, но первый же антрепренер, занявшийся им, счел нужным отяжелить смешным эпитетом понятие "эльфа", когда взглянул на толстый нос, завещанный карлику его полнокровным озорным отцом.

Картофельный Эльф одним своим видом возбудил ураган рукоплесканий и смеха по всей Англии, а затем и в главных городах на материке. В отличие от других карликов, он был нраву кроткого, дружелюбного, очень привязался к той крохотной пони Снежинке, на которой прилежно трусил по арене голландского цирка, а в Вене покорила сердце глупого и унылого великана, родом из Омска, тем, что при первой встрече потянулся к нему и по-детски попросил: "Я хочу на ручки".

Выступал он обыкновенно не один. Так, в Вене карлик появлялся вместе с великаном, семеня вокруг него, тщательно одетый, в полосатых штанах, в ловком пиджачке, с большим свитком нот под мышкой. Он подавал великану гитару. Тот стоял как Громадная кукла, механическим движением брал инструмент. Длинный сюртук, словно вырезанный из черного дерева, высокие каблуки, цилиндр, схваченный прямыми отблесками, еще увеличивали рост стройного девятипудового сибиряка. Выпятив могучую челюсть, он бил пальцем по струнам. В антрактах, как женщина, жаловался на головокружения. Фред очень его полюбил и даже всплакнул при расставании, так как быстро привыкал к людям. Жизнь его шла по кругу, мерно и однообразно, как цирковая лошадь. Однажды, в потемках кулис, он споткнулся о ведро с малярной краской и мягко в него плюхнулся. Он потом долго это вспоминал. как нечто необыкновенное.

Так объехал карлик большую часть Европы, и откладывал деньги, пел серебряным евнушьюм дискантом, и в немецких театрах публика ела бутерброды и орехи на соломинках, а в испанских-засахаренные фиалки и тоже орехи на соломинках. Мира он не видел. В памяти у него осталось только: все та же безликая бездна, смеющаяся над ними, а затем после спектакля тихий, мечтательный раскат прохладной ночи, которая кажется такой синей, когда выходишь из театра.

Вернувшись в Лондон, он нашел нового партнера, -фокусника, по имени Шок. У Шока был певучий голос, тонкие, бледные, как бы бесплотные руки и каштановый клин волос, спадающий на бровь. Он напоминал скорее поэта, нежели фокусника, и фокусы свои показывал с какой-то нежной и плавной печалью, без суетливой болтовни, свойственной его профессии. Картофельный Эльф ему смешно прислуживал, а под конец с радостным воркующим возгласом появлялся в райке, хотя за минуту до того

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
все видели, как фокусник его запирает в черный ящик, стоявший посреди сцены.

Все это происходило в одном из тех лондонских театров, где появляются и акробаты, режущие в звенящем трепете трапеций, и иностранный тенор (неудачник на родине). с народными песнями, и чревоушатель в морской форме, и велосипедисты, и неизменный, мягко шаркающий по сцене клоун-эксцентрик в крошечном котелке и в жилете до полу.

2

За последнее время Фред как-то помрачнел и все чихал, беззвучно и грустно, как японская собачонка. По целым месяцам не испытывая влечения к женщине, девственный карлик переживал изредка пронзительные приступы одинокой любовной тоски, которые проходили так же внезапно, как и вспыхивали, и снова на время он не замечал ни голых плеч, белеющих за бархатным барьером, ни маленьких акробатов, ни танцовщицы испанской, чьи ляжки обнажались на миг, когда при быстром кружении всхлестывал оранжевый пух ее кудрявых исподних воланов.

Карлицу бы тебе, задумчиво сказал Шок, привычным мазком вынув серебряную монету из уха карлика, который отмахнулся согнутой ручкой, словно сгонял муху.

И в эту ночь, когда, после своего номера, Фред в пальтишке и котелке, почихивая и урча, семенит за кулисами по тусклому коридору, на вершок открывшаяся дверь внезапно брызнула веселым светом, и два голоса позвали его. Это были Зита и Арабелла, сестры-акробатки, обе полураздетые, смуглые, черноволосые, с длинными синими глазами. В комнате был беспорядок, театральная и трепетная пестрота, запах духов. На подзеркальнике валялись пуховки, гребни, граненый флакон с резиновой грушей, шпильки в коробке из-под шоколада, пурпурно-сальные палочки грима.

Сестры мгновенно оглушили карлика своим лепетом. Они щекотали и тискали Фреда, который, весь надувшись темной кровью, смотрел исподлобья и, как шар, перекачивался между быстрых обнаженных рук, дразнивших его. И когда Арабелла, играя, притянула его к себе и упала на кушетку, Фред почувствовал, что сходит с ума и стал барахтаться и сопеть, вцепившись ей в шею. Откидывая его, она подняла голую руку, он рванулся, скользнул, присосался губами к бритой мышке, к горячей, чуть колючей впадине. Другая, Зита, помирая со смеху, старалась оттащить его за ногу; в ту же минуту со стуком отпахнулась дверь, и, в белом, как мраморе, трико, вошел француз, партнер акробатов. Молча и без злобы он цапнул карлика за шиворот, только щелкнуло крахмальное крылышко, соскочившее с запонки, поднял на воздух и, как обезьянку, выбросил его из комнаты. Захлопнулась дверь. Фокусник, бродивший по коридору, успел заметить белый блеск сильной руки и черную фигурку, поджавшую лапки на лету.

Фред больно стукнулся и теперь лежал неподвижно. Сознания он не потерял, только весь как-то обмяк, смотрел в одну точку, мелко стучал зубами.

Плохо, брат, вздохнул фокусник, подняв его с полу и прозрачными пальцами потрагивая круглый лоб карлика. Говорил тебе не суйся. Вот и попало. Карлицу бы тебе... .. :

Фред молчал, выпучив глаза.

Переночуешь у меня, решил Шок и, неся Картофельного Эльфа на руках, направился к выходу.

3

Существовала и госпожа Шок.

Это была дама неопределенных лет, темноглазая, с желтоватыми белками. Ее худоба, пергаментный оттенок кожи, черные сухие волосы, привычка выдувать через ноздри папиросный дым, обдуманная неряшливость платья и прически, все это мужчин не привлекало, но, вероятно, нравилось фокуснику, хотя на самом деле он жены будто и не замечал, всегда занятый своими сокровенными вымыслами, зыбкий, ненастоящий, думавший о чем-то своем, когда говорил о пустяках, внимательный и зоркий, когда казался погруженным в астрологические мечты. Нора всегда была настороже, ибо он не мог пропустить случай, чтобы не сотворить обмана, мелкого, ненужного, но

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru изысканно хитрого. Так, случилось, что за обедом он изумлял ее необычной прожорливостью, сочно чавкал, обсасывал кости, снова и снова накладывал себе полную тарелку, потом уходил, грустно взглянув на жену, а погода горничная, хихикая в передник, докладывала, что господин Шок и не притрагивался к обеду, что весь его обед остался в трех новых кастрюлях под столом.

Она была дочь почтенного художника, писавшего только лошадей, пятнистых псов да охотников в красных фраках, и до свадьбы жила в Челси, восхищалась дымными закатами над Темзой, рисовала, посещала нелепые собрания, на которых бывала лондонская богема, и там-то ее отметили призрачные глаза тихого, тонкого человека, который говорил мало и еще никому не был известен. Подозревали, что он лирический поэт. Она стремительно им увлеклась. Поэт рассеянно обручился с нею, а в первый же день после свадьбы объявил с печальной улыбкой, что стихов он писать не умеет, и тут же, во время разговора, превратил старый будильник в никелевый хронометр, а хронометр в крошечные золотые часики, которые Нора и носила с тех пор на кисти. Она понимала, что фокусник Шок все-таки поэт в своем роде, но только никогда не могла привыкнуть к тому, что он ежеминутно, при всех обстоятельствах жизни, проявляет свое искусство. Мудрено быть счастливой, когда муж мираж, ходячий фокус, обман всех пяти чувств.

4

Она рассеянно стучала ногтем по стеклу банки, в которой несколько золотых рыбок, будто вырезанных из апельсинной корки, дышали и вспыхивали плавниками, когда дверь бесшумно открылась, и на пороге появился Шок, цилиндр набекрень, каштановая прядь над бровью, и держал он на руках скрюченную фигурку.

Принес, со вздохом сказал фокусник.

Нора быстро подумала: ребенок... найденный... подобрал... Ее темные глаза повлажнили.

Усыновить придется, тихо проговорил Шок, выжидательно застывший в дверях.

Фигурка вдруг ожила, забормотала, стала стыдливо царапать по крахмальной груди фокусника. Нора взглянула на маленькие ботинки в замшевых гетрах, на котелок...

Меня не так-то легко провести, сказала она, усмехнувшись в нос.

Фокусник укоризненно взглянул на нее; затем опустил фреда на плюшевый диван, накрыл его пледом.

Акробат потрепал, пояснил Шок, и не мог не добавить: Гирей хватил. По самому животике.

И Нора, сердобольная, как многие бездетные женщины, почувствовала такую особенную жалость, что чуть не расплакалась. Она принялась нянчиться с карликом, накормила, дала портвейну, душистым спиртом натерла ему лоб, виски, детские впадины за ушами.

На следующий день Фред проснулся спозаранку, побродил по незнакомой комнате, поговорил с золотыми рыбками и потом, тихо чихнув, примостился, как мальчик, на широком подоконнике.

Тающий, прелестный туман омывал серые крыши. Где-то вдали открылось чердачное окно, и стекло поймало блеск солнца. Свежо и нежно пропел автомобильный рожок.

Фред думал о вчерашнем. Странно спутывались смеющиеся голоса акробатов и прикосновения душистых холодных рук госпожи Шок. Его сначала обидели, потом приласкали, а был он очень привязчивый, очень пылкий карлик. Помечтал он о том, что когда-нибудь спасет Нору от сильного грубого человека, вроде того француза в белом трико. Некстати вспомнилась ему пятнадцатилетняя карлица, с которой он где-то выступал вместе. Карлица была востроносая, больная, злющая. Публике ее представили, как невесту фреда, и он, вздрагивая от отвращения, должен был танцевать с нею тесный танго.

Опять одиноко пропел и пронесся рожок. Туман над нежной лондонской пустыней наливался солнцем.

К восьми часам квартира ожила: фокусник, рассеянно улыбаясь, ушел из дома, а куда неизвестно; вкусно пахло в столовой жареным салом, лежавшим прозрачными ломтиками под горячими пузырями яичницы. Небрежно причесанная, в халате, расшитом парчовыми подсолнухами, появилась госпожа Шок.

После завтрака она угостила Фреда пахучей папиросой, кончик которой был обтянут алым лепестком и, прикрыв глаза, заставила его рассказывать, как ему живется. В таких случаях голосок Фреда становился чуть басистее, говорил он медленно, подбирая тщательно слова, и эта неожиданная степенность слога странно сказать шла к нему. Наклонив голову, сосредоточенный и упругий, он бочком сидел у ног Норы, которая полулежала на плюшевом диване, обнажив острые локти заломленных рук. Карлик, досказав свое, умолк, но все еще поворачивал туда-сюда ладонку, словно продолжал тихо говорить. Его черный пиджачок, наклоненное лицо, мясистый носик, желтые волосы и пробор на макушке неясно умиляли Нору. Глядя на него сквозь ресницы, она старалась представить себе, что это сидит не карлик, а ее несуществующий сын, и рассказывает, как его обижают в школе. Протянув руку, Нора легко погладила его по голове, и в то же мгновение, по непонятному сочетанию мыслей, ей померещилось другое, мстительное и любопытное.

Почувствовав у себя на волосах ее шевелившиеся пальцы, карлик застыл и вдруг начал молча и быстро облизываться. Скосив глаза в сторону, он не мог оторвать взгляд от изумрудного помпона на туфле госпожи Шок.

И внезапно каким-то нелепым и упоительным образом все пришло в движение.

5

В этот сизый, солнечный августовский день Лондон был? особенно прекрасен. Легкое, праздничное небо отражалось в гладких потоках асфальта, румяным лаком пылали почтовые тумбы на углах, в гобеленовой зелени парка прокатывал блеск и шелест автомобилей, весь город искрился. дышал млеющей теплотой, и только внизу, на платформах подземных дорог, было прохладно.

Каждый отдельный день в году подарен одному только человеку, самому счастливому; все остальные люди пользуются его днем, наслаждаясь солнцем или сердясь на дождь, но никогда не зная, кому день принадлежит по праву, и это их незнание приятно и смешно счастливцу. Человек не может провидеть, какой именно день достанется ему, какую мелочь будет вспоминать он вечно, - световую ли рябь на стене вдоль воды или кружащийся кленовый лист, да и часто бывает так, что узнает он день свой только среди дней прошедших, только тогда, когда давно уже сорван, и скомкан, и брошен под стол календарный листок с забытой цифрой.

Фреду Добсону, карлику в мышинных гетрах, Господь Бог подарил тот веселый августовский день, который начался нежным гудком и поворотом вспыхнувшей рамы. Дети, возвратившись с прогулки, рассказывали родителям, захлебываясь и изумляясь, что видели карлика в котелке, в полосатых штанах, с тросточкой и парой желтых перчаток в руках.

Страстно простившись с Норой, ожидавшей гостей, Картофельный Эльф вышел на широкую, гладкую улицу, облитую солнцем, и сразу понял, что весь город создан для него одного. Веселый шофер звонким ударом согнул железный флажок таксометра, мимо полилась улица, и Фред то и дело соскальзывал с кожаного сиденья и все смеялся, ворковал сам с собою.

Он вылез у входа в Гайд-Парк и, не замечая любопытных взглядов, засеменял вдоль зеленых складных стульев, вдоль бассейна, вдоль огромных кустов рододендрона, темневших в тени ильмов и лип, над муравой, яркой и ровной, как бильярдное сукно. Мимо проносились всадники, легко подскакивая, скрипя желтой кожей краг, взмахивали тонкие конские морды, звякая удилами, и черные дорогие машины, ослепительно вспыхивая спицами, сдержанно катились по крупному кружеву лиловых теней.

Карлик шел, вдыхая теплый запах бензина, запах листвы, как бы уже гниющей от избытка зеленого сока, и вертел тросточкой, надувал губы, словно собираясь свистеть, такое было в нем чувство свободы и легкости. Нора проводила его с такой торопливой нежностью, так взволнованно смеялась, видно, ей страшно было, что старик отец, который всегда являлся ко второму завтраку, начнет что-нибудь

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
подозревать, заставши у нее незнакомого господина.

В этот день его видели повсюду и в парке, где румяная няня в крахмальной наколке, толкавшая детскую коляску, почему-то предложила его прокатить, и в залах Британского музея, и на живой лестнице, медленно выползающей из подземных глубин, полных электрических дуновений, нарядных реклам, гула, и в изысканном магазине, где продаются мужские платки, и на хребте автобуса, куда посадили его чьи-то добрые руки.

А потом он устал, ошалел от движения и блеска, стало тревожно от смеющихся глаз. И надо было осмыслить то широкое чувство свободы, гордости, счастья, которое не покидало его.

Когда, проголодавшись, Фред зашел в знакомый ресторанчик, где собирались всякого рода артисты и где его присутствие никого не удивляло, он понял, взглянув на посетителей, на старого, скучного клоуна, уже пьяного, на своего врага француза, дружелюбно ему кивнувшего, понял совершенно отчетливо, что на подмости он не выйдет больше никогда.

В ресторане было еще по-дневному темновато. Скучный клоун, смахивающий на прогоревшего банкира, и акробат, странно неуклюжий в пиджаке, молча играли в домино. Испанская танцовщица в громадной шляпе, бросавшей синюю тень на глаза, сидела одна за угловым столиком, перекинув ногу на ногу. Было еще семь-восемь человек, незнакомых Фреду; он разглядывал их лица, поблекшие от грима, пока лакей подкладывал ему подушку, вскидывал скатерть, проворно расставлял прибор.

И внезапно поодаль, в сумраке ресторана, Фред узнал тонкий профиль фокусника, который тихо беседовал с пожилым, тучным господином американского пошиба. Фред не ожидал встретить фокусника, никогда не посещавшего кабаки, да и вообще позабыл об его существовании. Теперь ему стало так жаль бедного Шока, что он сперва решил все скрыть от него; но подумал, что все равно Нора обманывать не умеет и, вероятно, сегодня же объявит мужу (я полюбила Фреда Добсона, я покидаю тебя...), а ведь это разговор неприятный, трудный, и потому надо ей облегчить дело, он рыцарь ее, он гордится ее любовью, и как бы он Шока ни жалел, а огорчить его придется.

Между тем лакей принес порцию пирога с почками и каменную бутылку имбирного пива. Затем включил свет. Там и сям над пыльным бархатом вспыхнули стеклянные цветы, и карлик видел издали, как золотистым блеском засквозила каштановая прядь на лбу у фокусника, как из света в тень переходили его нежные прозрачные пальцы. Его собеседник встал, оправляя под пиджаком кожаный пояс и льстиво улыбаясь Шоку, который проводил его до вешалки. Толстяк нахлобучил широкополую шляпу, пожал легкую руку фокусника и, все еще подтягивая штаны, вышел из ресторана. На миг засветлела полоска остывающего дня, и лампочки в ресторане стали желтее. Бухнула дверь.

Шок! позвал Картофельный Эльф, суча ножками под столом.

Шок подошел. На ходу задумчиво вынул из бокового кармана горящую сигару, затянулся, выпустил клуб дыма и сунул ее обратно за пазуху. Как он это делал неизвестно.

Шок, сказал карлик, у которого от имбирного пива покраснел нос, мне нужно с вами поговорить. Это очень важно.

Фокусник сел рядом, облокотился,

Голова не болит? спросил он равнодушно.

Фред вытер губы салфеткой; никак не знал, как начать, чтобы не сделать слишком больно другу.

А нынче вечером я выступаю вместе с тобой в последний раз, сказал фокусник. Американец увозит. Выходит, кажется, недурно.

Послушайте, Шок, и карлик, кроша хлеб, стал с трудом подбирать нужные слова. Вот... Будьте храбрым, Шок. Я люблю вашу жену. Сегодня, когда вы ушли, я с нею... мы с нею... она...

Только я плохо переношу качку, задумчиво проговорил фокусник, а до Бостона неделя... Я плыл в Индию когда-то. Потом чувствовал себя, как вот нога, когда ее отсидишь.

Фред, багровея, тер о скатерть кулачком. Фокусник тихо засмеялся своим мыслям, затем спросил:

А ты что-то хотел сказать мне, дружок?

Карлик глянул в его призрачные глаза, смущенно замотал головой,

Нет, нет... Ничего... С вами невозможно говорить.

Шок протянул руку, хотел видно выщелкнуть монету из уха карлика, но, в первый раз за многие годы мастерских чародейств, монета некстати выпала, слишком слабо захваченная мускулами ладони. Фокусник подхватил ее, встал.

А я здесь обедать не буду, сказал он, с любопытством разглядывая макушку карлика, мне тут не нравится.

Фред, надутый и молчаливый, ел печеное яблоко. Фокусник незаметно ушел. В ресторане было пустынно. Томную испанскую плясунью в большой шляпе увел неловкий, прекрасно одетый молодой человек с голубыми глазами.

Не хочет слушать, так и не надо, подумал Фред, облегченно вздохнув и решив про себя, что в конце-то концов Нора объяснит лучше. Потом он попросил бумаги и стал писать ей письмо. Кончалось оно так: "Теперь Вы понимаете, что продолжать прежнюю жизнь я не могу. Каково было бы вам знать, что каждый вечер людское стадо хохочет над Вашим избранником? Завтра же я уезжаю, порвав ангажемент. Напишу Вам снова, как только найду тот мирный уголок, где, после Вашего развода, мы будем любить друг друга, моя Нора".

Так завершился быстрый день, подаренный карлику в мышинных гетрах.

6

Лондон осторожно вечерел. Уличные звуки сливались в тихий музыкальный гул, словно кто-то, перестав играть, все еще нажимал педаль. Черные листья парковых лип выделялись на прозрачном небе, как узоры из пиковых тузов. Иногда, на повороте улицы или между двух траурных башен, появлялся, как видение, пожар заката. Шелестели в окнах шторы, спадали мягкими хлопьями.

Фокусник всегда заезжал домой пообедать и переодеться в профессиональный фрак, чтобы потом сразу отправиться в театр. Нора в этот вечер ждала его с особенным нетерпением, трепеща от дурной радости. Радовалась она тому, что теперь и она имеет свою тайну. Самого карлика не хотелось вспоминать. Карлик был неприятный червячок.

Тонко щелкнул замок входной двери. Как это часто бывает, когда знаешь, что обманул человека, лицо фокусника показалось ей новым, почти чужим. Кивнув ей, он как-то стыдливо и грустно опустил ресницы; молча сел за стол против нее. Нора взглянула на его легкий серый пиджак, в котором он казался еще тоньше, еще неуловимее, и глаза ее заиграли теплым торжеством, злой живчик задрожал в уголку рта.

Она спросила, наслаждаясь небрежностью вопроса;

Как поживает твой карлик? Я думала, ты приведешь его.

Не видал сегодня, ответил Шок, принимаясь есть. Вдруг он спохватился: вынул пузырек и, осторожно скрипнув пробкой, наклонил его над рюмкой с вином.

Нора с раздражением подумала, что сейчас будет фокус, вино станет ярко-синим или прозрачным, как вода, но цвет вина не изменился. Шок, уловив ее взгляд, туманно улыбнулся.

Для пищеварения... Капли такие, объяснил он. Волна задумчивости прошла по его

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
лицу.

Лжешь, как всегда, сказала Нора. У тебя отличный желудок.

Фокусник тихо засмеялся. Потом деловито кашлянул и одним залпом осушил рюмку.

Да ешь же, сказала Нора. Остынет.

Злорадно подумала: "Ах, если б ты знал! Никогда не узнаешь. В этом теперь моя сила".

Фокусник ел молча. Вдруг он поморщился, отодвинул тарелку и заговорил. Как обычно, глядел он не прямо на жену, а чуть повыше ее, и голос был певуч и мягок. Он рассказывал, как сегодня побывал у короля в Виндзоре, куда пригласили его развлекать маленьких герцогов в бархатных куртках и кружевных воротниках. Рассказывал он живописно и легко, передразнивая виденных лиц, посмеивался, чуть вбок наклоняя голову.

Я выпустил стаю белых голубей из цилиндра, - рассказывал он.

"А у карлика были потные ручки, и ты все врешь", - мысленно вставила Нора.

...И, знаешь, эти самые голуби стали летать вокруг королевы. Она от них отмахивалась и улыбалась из вежливости.

Фокусник встал, пошатнулся, легко оперся двумя пальцами об край стола и проговорил, словно доканчивая свой рассказ:

Мне нехорошо, Нора. Я выпил яду. Ты не должна была мне изменять.

Его горло надулось, и, прижав платок к губам, он вышел из комнаты.

Нора стремительно поднялась, смахнув янтарями длинного ожерелья серебряный нож с тарелки.

"Все нарочно, злобно подумала она. Хочет напугать, помучить меня. Нет, брат, ни к чему. Увидишь!"

Ей было досадно, что Шок так просто разгадал ее тайну, но по крайней мере у нее теперь будет повод все ему высказать, крикнуть, что ненавидит его, презирает неистово, что он не человек, а резиновый призрак, что жить с ним дольше она не в силах, что...

Фокусник сидел на постели, сгорбившись и мучительно стиснув зубы, но попытался улыбнуться, когда в спальню ворвалась Нора.

Так и поверю, так и поверю, захлебывалась она. Нет уж, кончено! И я умею обманывать. Ты гадок мне, ах ты смешон мне своими неудачными фокусами!

Шок, продолжая растерянно улыбаться, старался встать с постели, шаркал подошвой по ковру. Нора замолкла, придумывая, что бы еще крикнуть оскорбительного.

Не надо... Если что... прости меня... с трудом выдохнул Шок.

Жила вздулась у него на лбу. Он еще больше скорчился, заклокотал, потряхивая потной прядью волос, и платок, который он судорожно придавил ко рту, набух бурой кровью.

Перестань дурака валять, топнула ногой Нора.

Он выпрямился, бледный, как воск, отшвырнул платок в угол.

Постой, Нора... Ты не понимаешь... Это мой последний фокус... Больше не буду...

Снова исказилось его страшное, лоснящееся лицо. Он закачался, опустился на постель, откинул голову.

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Нора подошла, поглядела, сдвинув брови. Шок лежал, закрыв глаза, скрипя стиснутыми зубами. Когда она наклонилась над ним, его ресницы вздрогнули, он посмотрел туманно, как бы не узнавая жены, и вдруг узнал, и в его глазах мелькнул влажный луч нежности и страданья.

И мгновенно Нора поняла, что она любит его больше всего на свете, и ужас и жалость вихрем обдали ее. Она закружилась по комнате, для чего-то налила воды в стакан, оставила его на рукомоинике, опять подлетела к мужу, который привстал и, прижав край простыни к губам, вздрагивал, ухал, выпучив бессмысленные, уже отуманенные смертью глаза. Тогда она всплеснула руками, метнулась в соседнюю комнату, где был телефон, долго шатала вилку, спутала номер, позвонила сызнова, со стоном дыша и стуча кулаком по столу, и, когда, наконец, донесся голос доктора, крикнула, что муж отравился, умирает, бурно зарыдала в трубку и, криво повесив ее, кинулась обратно в спальню.

Фокусник, светлый и гладкий, в белом жилете, в черных чеканных штанах, стоял перед трюмо, и, расставив локти, осторожно завязывал галстук. Увидя в зеркало Нору, он, не оборачиваясь, рассеянно улыбнулся ей и, тихо посвистывая, продолжал теревить прозрачными пальцами черные шелковые углы.

7

Городок Друзи, в северной Англии, был такой сонный на вид, что казалось, будто кто-то позабыл его среди туманных, плавных полей, где городок и заснул навеки. Был почтамт, велосипедный магазин, две-три табачные лавки с красно-синими вывесками, старинная серая церковь, окруженная могильными плитами, на которых потягивалась тень громадного каштана, и вдоль единственной улицы шли зеленые ограды, садики, низкие кирпичные дома, косо обтянутые плющом. Один из этих домиков был сдан некоему Ф. Добсону, которого никто в лицо не знал, кроме доктора, а доктор болтать не любил. Господин Добсон. по-видимому, никогда не выходил из дому, и его экономка, строгая, толстая женщина, служившая раньше в приюте для душевнобольных, отвечала на случайные вопросы соседей, что господин Добсон старик-паралитик, обреченный жить в полусумраке и тишине. Его и позабыли в тот же год, как прибыл он в Друзитон: стал он чем-то незаметным, но всеми принятым на веру, как тот безымянный епископ, чей каменный образ стоял так давно в нише над церковными воротами. По-видимому, у таинственного старика был внук, тихий, белокурый мальчик, который иногда в сумерки выходил из дому господина Добсона мелкой и робкой походкой. Случалось это, впрочем, так редко, что никто не мог сказать наверняка, тот ли это все мальчик или другой, да сумерки были туманные, синие, смягчающие все очертания. Так дремотные, нелюбопытные жители городка проглядели вовсе, что мнимый внук мнимого паралика не растет с годами, и что его льняные волосы не что иное. как прекрасно сделанный паричок. Ибо Картофельный Эльф начал лысеть в первый же год своей новой жизни, и вскоре его голова стала такой гладкой и блестящей, что строгой Анне, его экономке, подчас хотелось ладонью обхватить эту смешную круглоту. В остальном он изменился мало: только, пожалуй, чуть отяжелело брюшко, да багровые ниточки засквозили на потемневшем, пухлом носу, который он пудрил, когда наряжался мальчиком. Кроме того, и Анна и доктор знали, что те сердечные припадки, которыми карлик страдал, добром не кончатся.

Жил он мирно и незаметно в своих трех комнатах, выписывал из библиотеки книжки по три, по четыре в неделю, все больше романы, завел себе черную, желтоглазую кошку, так как смертельно боялся мышей, которые вечером мелко шарахались, словно перекатывали деревянные. в углу за шкапом; много и сладко ел, иной раз даже вскочит среди ночи и, зябко просеменив по холодному полу, маленький и жуткий в своей длинной сорочке, лезет, как мальчик, в буфет за шоколадными печеньями. И все реже вспоминал он свою любовь и первые страшные дни, проведенные им в Друзитоне.

Впрочем, в столе, среди тонких, прилежно сложенных афиш, еще хранился у него лист почтовой бумаги телесного цвета с водяным знаком в виде дракона, исписанный угловатым, неразборчивым почерком. Вот что стояло на этом листе: "Дорогой господин Добсон. Я получила и второе Ваше письмо, в котором Вы меня зовете приехать к Вам в Д. Я боюсь, что вышло страшное недоразумение. Постарайтесь простить и забыть меня. Завтра мы с мужем уезжаем в Америку и, вероятно, вернемся нескоро. Не знаю, что еще Вам написать, мой бедный Фред".

Тогда-то и случился с ним первый сердечный припадок. Кроткий блеск удивления с

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
тех пор остался у него в глазах. И в продолжение многих дней он все ходил по
дому, глотая слезы и помахивая у себя перед лицом дрожащей маленькой рукой,

А потом Фред стал забывать, полюбил уют, до сих пор ему неведомый, голубые
пленки пламени над углями в камине, пыльные вазочки на полукруглых полках,
гравюру между окон: сенбернар с флягой у ошейника и ослабевший путник на черной
скале. Редко вспоминал он свою прежнюю жизнь. Только во сне порою чудилось ему,
что звездное небо наполняется зыбким трепетом трапеций, и потом захлопывали его
в черный ящик, он слышал сквозь стенки певучий, равнодушный голос Шока и не мог
найти люк в полу, задышался в клейком сумраке, а голос фокусника становился все
печальнее, удалялся, таял, и Фред просыпался со стоном на своей широкой постели
в тихой и темной спальне, где чуть пахло лавандой, и долго глядел, задыхаясь и
прижимая кулачок к спотыкающемуся сердцу, на бледное пятно оконной занавески.

И с годами все слабее и слабее вздыхала в нем тоска по женской любви, словно
Нора мгновенно вытянула из него весь жар, так мучивший его когда-то. Были,
правда, некоторые дни, некоторые весенние смутные вечера, когда карлик, стыдливо
нарядившись в короткие штаны и прикрыв лысину белокурым паричком, уходил из дому
в сумеречную муть и, семеня тропинкой вдоль полей, вдруг замирал и глядел,
томясь, на туманную чету влюбленных, оцепеневших у изгороди, под защитой
цветущей ежевики. А потом и это прошло, и людей он перестал видеть вовсе. Только
изредка заходил доктор, седой, с пронзительными черными глазами, и, сидя против
Фреда за шахматной доской, с любопытством и наслаждением разглядывал мягкие
ручки, бульдожье лицо карлика, который, обдумывая ход, морщил выпуклый лоб.

Прошло восемь лет. Было воскресное утро. На столе накрытый колпаком в виде
головы попугая ждал Фреда кувшин какао. В окно лилась солнечная зелень яблонь.
Толстая Анна смахивала пыль с крышки маленькой пианолы, на которой карлик иногда
играл валки вальсы; на банку апельсинового варенья садились мухи и потирали
передние лапки.

Вошел Фред, слегка заспанный, в клетчатых туфлях на босу ногу, в черном халатике
с желтыми бранденбургками. Сел к столу, щурясь от блеска и поглаживая рукой
лысину. Анна ушла в церковь. Фред притянул к себе иллюстрированный листок
воскресной газеты, долго разглядывал, то поджимая, то выпячивая губы,
премированных щенят, русскую балерину, склоненную в лебедином томлении, цилиндр
и мордастое лицо всех надувшего финансиста. Под столом кошка, выгнув спину,
терлась об его голую лодыжку, он допил какао, встал позевывая; ночью ему было
чрезвычайно скверно, никогда еще так сердце не мучило, и теперь ему было лень
одеваться, неприятно холодели ноги. Он перебрался на кресло у окна, сложился
калачиком и так сидел, ни о чем не думая, и рядом потягивалась кошка, разевавая
крошечную розовую пасть.

В передней затренькал звонок.

"Доктор", подумал Фред равнодушно и, вспомнив, что Анна в церкви, сам пошел
открывать.

В дверь хлынуло солнце. На пороге стояла высокая дама, вся в черном. Фред
отскочил, пробормотал что-то и, запахивая халат, кинулся в комнаты. На бегу
потерял туфлю, не успел подобрать, - надо было скорее спрятаться, только бы не
успели заметить, что он карлик. Прерывисто дыша, он остановился среди гостиной.
Ах, надо было просто захлопнуть входную дверь!.. И кто это мог зайти к нему?
Ошибка какая-нибудь.

И вдруг он отчетливо расслышал стук приближающихся шагов. Он метнулся из
гостиной в спальню, хотел запереться, да не было ключа. В гостиной на ковре
осталась вторая туфля.

Это ужасно, передохнул Фред и прислушался.

Шаги вошли в гостиную. Тогда, с легким стоном, карлик подбежал к платяному шкафу
спрятаться бы!..

Голос, несомненно знакомый, выкликнул его имя, и открылась дверь.

Фред, отчего вы так боитесь меня?

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Карлик, босой, со вспотевшей лысиной, в черном своем халатике, замер у шкала, все еще держась за кольцо замка. Ему вспомнились очень живо оранжевые рыбки за стеклом.

Она болезненно постарела за эти годы. Под глазами были оливковые тени; отчетливей, чем некогда, темнели волоски над верхней губой. И от черной шляпы ее. от строгих складок черного платья веяло чем-то пыльным и горестным.

Я никогда не думал... медленно начал Фред, глядя на нее исподлобья.

Нора взяла его за плечи, повернула к свету, жадными и печальными глазами стала разглядывать его черты. Карлик смущенно мигал, мучительно жалея, что он без парика, и дивясь волнению Норы. Он так давно перестал думать о ней, что теперь, кроме грусти и удивленья, он не чувствовал ничего. Нора закрыла глаза, все еще держа его за плечи, и потом, легонько оттолкнув карлика, отвернулась к окну.

Фред кашлянул:

Я вас совсем потерял из виду. Скажите, как поживает Шок?

Фокусы показывает, ответила рассеянно Нора. Мы только недавно вернулись в Лондон.

Она, не снимая шляпы, села в кресло у окна, продолжая со странной пристальностью смотреть на Фреда.

Так значит Шок... торопливо заговорил карлик, чувствуя неловкость от ее взгляда.

Все тот же, сказала Нора и, не сводя с него блестящих глаз, стала быстро стягивать и комкать перчатки, глянцевице черные, с белым исподом.

"Неужели она опять", отрывисто подумал карлик. Пронеслось в мыслях: банка с рыбками, запах одеколона, изумрудные помпоны на туфлях.

Нора встала: двумя черными комочками покатались перчатки на пол.

Сад маленький, но в нем яблони, сказал Фред и все продолжал недоумевать: неужели я когда-нибудь мог... Она совсем желтая. С усами. И что это она все молчит?

Но я редко выхожу, говорил он, слегка раскачиваясь на стуле и потирая колени.

Фред, сказала Нора, знаете ли вы, почему я приехала к вам?

Она подошла к нему вплотную, Фред с виноватой усмешкой соскользнул со стула, стараясь увернуться.

Тогда она очень тихо сказала:

У меня ведь был сын от вас...

Карлик замер, уставившись на крошечное оконце, горевшее на синей чашке. Робкая, изумленная улыбка заиграла в уголках его губ, расширилась, озарила лиловатым румянцем его щеки.

Мой... сын...

И мгновенно он понял все, весь смысл жизни, долгой тоски своей, блика на чашке.

Он медленно поднял глаза. Нора боком сидела на стуле и плакала навзрыд. Как слеза, сверкала стеклянная головка ее шляпной булавки. Кошка, нежно урча, терлась об ее ноги.

Карлик подскочил к ней, вспомнил роман, недавно читанный.

Да вы не бойтесь, сказал он, да вы не бойтесь, я не возьму его от вас. Я так счастлив.

Она взглянула на него сквозь туман слез. Хотела объяснить что-то, переглотнула, увидела, каким нежным и радостным светом весь пышет карлик, и не объяснила ничего.

Встала, торопливо подняла с полу липко-черные комочки перчаток.

Ну вот, теперь вы знаете... Больше ничего не нужно... Я пойду.

Внезапная мысль кольнула Фреда. К дрожи счастья примешался пронзительный стыд. Он спросил, теребя бранденбургги халата:

А он какой? Он не...

Нет, нет, большой, как все мальчики, быстро сказала Нора и разрыдалась опять.

Фред опустил ресницы.

Я бы хотел видеть его.

Радостно спохватился.

О, я понимаю, он не должен знать, что я вот такой. Но, может быть, вы устроите...

Да, непременно, непременно, торопливо, почти сухо говорила Нора, направляясь к двери. Как-нибудь устроим... А я должна идти... Поезд... Двадцать минут ходьбы до станции.

Обернувшись в дверях, она в последний раз тяжело и жадно впилась глазами в лицо Фреда. Солнце дрожало на его лысине; прозрачно розовели уши. Он ничего не понимал от изумления и счастья, и когда она ушла, Фред еще долго стоял посреди комнаты, боясь неосторожным движением расплескать сердце. Он старался вообразить своего сына и мог только вообразить самого себя, одетого школьником, в белокуром паричке. Он как-то перенес свой облик на сына, сам перестал ощущать себя карликом.

Он видел, как он входит в дом, встречает сына; с острой гордостью гладит его по светлым волосам... И потом, вместе с ним и с Норой, глупая, как она испугалась, что он отнимет мальчика! выходит на улицу и на улице...

Фред хлопнул себя по ляжкам. Он даже забыл у Норы спросить адрес.

И тогда началось что-то сумасшедшее, несуразное. Он бросился в спальню, стал одеваться, неистово торопясь; надел все самое лучшее, крахмальную рубашку, полосатые штаны, пиджак, сшитый когда-то в Париже, и все улыбался, и ломал ногти в щелках тугих ящиков и дважды должен был присесть, так вздувалось и раскатывалось сердце и снова попрыгивал по комнате, отыскивал котелок, которого так давно не носил, и, наконец, мимоходом посмотревшись в зеркало, где мелькнул статный пожилой господин, строго и изящно одетый, Фред сбежал по ступеням крыльца, уже полный новой ослепительной мысли: вместе с Норой поехать в Лондон, он успеет догнать ее, и сегодня же вечером взглянуть на сына.

Широкая, пыльная дорога вела прямо к вокзалу. Было по-воскресному пустынно, но ненароком из-за угла вышел мальчишка с крикетной лаптой в руке. Он-то первый и заметил карлика. Хлопнул себя по цветной кепке, глядя на удалявшуюся спину Фреда, на мелькание мышиных гетр.

И сразу Бог весть откуда взявшись, появились другие мальчишки и, разинув рты, стали вкрадчиво догонять карлика. Он шел все быстрее, поглядывая на золотые часы, посмеиваясь и волнуясь. От солнца слегка поташнивало. А мальчишек все прибавлялось, и редкие прохожие в изумлении останавливались, где-то звонко пролились куранты, сонный городок оживал и вдруг разразился безудержным, давно таимым смехом.

Не в силах сладить со своим нетерпением, Картофельный Эльф пустился бежать. Один из мальчишек прошмыгнул вперед, заглянул ему в лицо; другой крикнул что-то грубым, гортанным голосом. Фред, морщась от пыли, бежал, и вдруг показалось ему,

Картофельный эльф. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru что мальчишки, толпой следовавшие за ним, все сыновья его, веселые, румяные, стройные, и он растерянно заулыбался, и все бежал, крикая, стараясь забыть сердце, огненным клином ломавшее ему грудь.

Велосипедист на сверкающих колесах ехал рядом с ним, прижимал рупором кулак ко рту, ободрял его, как это делается во время состязаний. На пороги выходили женщины, щурились от солнца, громко смеялись, указывая друг другу на пробежавшего карлика. Проснулись все собаки в городке; прихожане в душной церкви невольно прислушивались к лаю, к задорному улюлюканью. И все густела толпа, бежавшая вокруг карлика. Думали, что это все великолепная шутка, цирковая реклама, съемки...

Фред начинал спотыкаться, в ушах гудело, запонка впивалась в горло, нечем было дышать. Стон смеха, крик, топот ног оглушили его. Но вот сквозь туман пота он увидел перед собой черное платье. Нора медленно шла вдоль кирпичной стены в потоках солнца. И вот обернулась, остановилась. Карлик добежал до нее, вцепился в складки юбки...

С улыбкой счастья взглянул на нее снизу вверх, попытался сказать что-то, и тотчас, удивленно подняв брови, сполз на панель. Кругом шумно дышала толпа. Кто-то, сообразив, что все это не шутка, нагнулся над карликом и тихо свистнул, снял шапку. Нора безучастно глядела на крохотное тело Фреда, похожее на черный комочек перчатки. Ее затолкали. Кто-то взял ее за локоть.

Оставьте меня, вяло проговорила Нора, я ничего не знаю... У меня на днях умер сын...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!